

Маяковский сражается за мир

На одном из литературных вечеров Маяковскому подали очередную записку очередного «скептика» и «отрицателя» из числа тех, что с нудным комариным гудением кружили вокруг поэта: «Ваши стихи не будут жить вечно. Их скоро забудут».

Маяковский ответил: «А вы зайдите лет через сто. Там поговорим».

Он твердо верил в будущую жизнь своего стиха. Он верил, что стихотворение, воплотившее всю «звонкую силу поэта», его страсти, волю, разум, пройдет проверку временем, и требовал дать крепкий стих, «годовалый этак на сто».

Двадцать лет — не столетие, но это уже дата, позволяющая многое проверить. Что осталось от мелких скептиков, пытавшихся говорить от имени вечности? А стих Маяковского — молодой, сильный — не только продолжает греметь над миром, — он звучит громче с каждым годом.

Для победы в сражении важно правильно наметить направление главного удара. Победа Маяковского объясняется прежде всего тем, что он правильно наметил свои удары. Читаем ли мы его заграничные стихотворения или произведения, посвященные задачам поэзии, или стихи о культуре, о воспитании молодежи, о борьбе с бюрократизмом, — мы не можем не думать о том, как зорко видел поэт противника и как метко определял направление удара.

Стихи Маяковского потому и являлись нам «весомо, грубо, зримо», что они дышали жизнью, что поэт с огромной художественной силой сумел запечатлеть в них не случайное и скоропреходящее, а то, что составляет содержание нашей великой исторической эпохи борьбы за коммунизм. Участвуя в великой борьбе двух миров, он способствовал победе нового прогрессивного, преодолению и уничтожению старого, отжившего.

Масштабное и широкое творчество Маяковского давало поэтический ответ на вопросы, бывшие вопросами жизни и смерти для миллионов людей. Судьбы человечества, судьбы классов и наций, культуры, человеческой личности волновали поэта и рождали взволнованный отклик в его стихах.

Гневный и глубокий обличитель капитализма, Маяковский всегда помнил о войне — этом чудовищном порождении чудовищного капиталистического строя. Тема борьбы за мир два десятка лет была одной из ведущих во всей поэзии Маяковского. Еще в юношеских, во многом незрелых стихах он проклинал чудовище войны, казавшееся человеку. В войне он видел проявление жестоких и бессмысленных отношений, уничтожить которые призвана революция. Влияние великого Горького помогло поэту лучше распознать виновников этих бедствий и сделало его обличения еще более беспощадными и конкретными. В 1917 году, в стихотворении «К ответу!» разоблачал он империалистов и их меньшевистских лакеев, разжигавших кровавую, разорительную бойню:

Скоро
у мира
не останется неполоманного ребра.
И душу вытаскают.
И растопчут там ее
только для того,
чтоб кто-то
к рукам прибрал
Месопотамию.

С огромной силой звучали прямые и смелые слова, обращенные к солдату:

Когда же встанешь во весь рост
ты,
отдающий жизнь свою им?
Когда же в лицо им бросишь вопрос:
за что воюем?

Известно, что меньшевистская газетка «Единство» выступила с «поризанием» Маяковскому за его антиимпериалистические стихи. Газетка брюзжала:

«Если до сих пор только скучные прозаики победно боролись с «империализмом» Миллюкова, французов и англичан, то теперь за это дело взялся в стихах футурист Маяковский...»

Мы приводим эти холопские строчки только потому, что и сегодня потомки и наследники меньшевистских холопов также пытаются выступать против боевой антиимпериалистической поэзии, но им так же не столкнуться с правильными путями прогрессивных поэтов, как питмеи из «Единства» не столкнули В. Маяковского с избранного им пути.

После Великой Октябрьской социалистической революции Маяковский оружием стиха участвовал в богатейшей борьбе за свободу и независимость, которую под руководством Ленина и Сталина вел советский народ против иноземных поработителей и их белогвардейских наймитов.

Поэт глубоко понимал творческий, созидательный характер нашей революции, в боях которой был отвоёван от эксплуататоров «солнечный край непочатый». Народ стремился к миру и труду; и обращаясь к красноречивому герою, отобравшему у врага Перекоп и разбившему орды белых, поэт раскрывал величие его подвига:

...удар твой двойной:
завоевано им
трудиться великое право.

Чувство огромного исторического превосходства социалистического строя пронизывает стихи Маяковского. Красной нитью проходит через его произведения противопоставление мирного, созидательного труда, благородной культурной деятельности советских людей — капиталистическому варварству, бездушной эксплуатации, милитаризму. Одним из проявлений патриотизма Маяковского была гордость за свое отечество как оплот мира и борьбы с военщиной.

Поэт блестяще проникает в существо отношений буржуазного мира, обнажая всю его отвратительность. Он видит зловонную испуганность империалистических хищников, способных навсе, готовых применить любые средства массового истребления людей. Он видит, что империализм несет бедствия, перед которыми блекнет да-

Б. РЮРИКОВ

же «всемирнейшая мясорубка» первой мировой войны.

Вильсон, воплощавший империалистическую Америку, не только одет в меховые доспехи — он выпускает в бой голод и разруху, рой войнов бактериологической войны:

Идут закованные в грязевые брони
спирокет на спирокете,
вибрион на вибрионе.

Разве не кажется, что еще не высохли чернила, которыми написаны эти строки? Гнев и негодование двигали поэзию Маяковского, когда он разоблачал черчиллей, пуанкаров, керзонов и других организаторов кровавых войн, на совести которых были миллионы погибших, искалеченных, пропавших без вести.

Долой
политику
пороховых бочек!

— гневно восклицал он, обращаясь к Керзону, предъявившему советскому правительству наглые ультимативные требования. А когда в антисоветском хоре раздался испуганный вой Черчилля, Маяковский с нескрываемым презрением издевался:

Достопочтенный лорд Черчилль
В ругне
Совсем переперчил:
Орет,
как будто чирьи
Вскочили на Черчилле.

Твердолобые провокаторы не замедлили расписаться в получении сокрушительных оплеух. После опубликования в 1923 г. стихотворения «Керзон» консервативная газетка «Морнинг пост» выступила с требованием, чтоб английское правительство... привлекло Маяковского к ответственности. Позднее лейбористское правительство, старательно угадывавшее малейшую волю твердолобых, отказалось выдать поэту визу на въезд в Великобританию. Ему казалось страшным, что великий поэт ступит на английскую землю.

В этом проявилось, в частности, то разительное сходство политики консерваторов и лейбористов, которое отмечал еще Маяковский, писавший:

Английские марионетки
лучшей выточкой:
речи разные,
а на одной ниточке.

С настороженностью следил поэт за возникновением и развитием фашизма в Италии и Германии, предупреждая об опасности, которую тот несет; он видел и роль Соединенных Штатов, все более и более становившихся центром мировой реакции.

Америка Уолл-стрита была для него воплощением воинствующей бесчеловечности, бесправия миллионов, безжалостного угнетения трудящихся.

...если ты
отвык ненавидеть, —
приезжай
сюда,
в Нью-Йорк.

Здесь господствовали отношения, с которыми решительно покончила Великая социалистическая революция в России, — отношения, которые Маяковский ненавидел всей душой. Путешествуя по Соединенным Штатам, рассказывая жителям их правду о советской стране, знакомясь с американским образом жизни как он есть, поэт отчетливо видел, что строй этот угрожает не только счастью, но и самому существованию миллионов людей. Он показывал, как гангстеров Уолл-стрита бесят успехи Советского Союза, дающего трудящимся всего мира пример мирного, творческого труда, подлинной демократии, миролюбивой политики. Поэт понимал, что антисоветская военная истерия вильсонов, юзов и т. д. и т. п. связана со всей реакционной политикой империалистов, пытающихся спасти шатающееся здание капитализма.

«Может статься, — пророчески писал он в замечательной работе, так мало еще исползуемой у нас, — «Мое открытие Америки», — что Соединенные Штаты сообразят последними вооруженными защитниками безнадежного буржуазного дела, — тогда история сможет написать хороший, типа Уэльса, роман «Борьба двух светов»».

Поэт рассказывал, как в Гаврском порту американцы с борта парохода, развлекаясь, кидают на берег, в толпу нищих мальчишек пенты и как мальчишки, толкая и давя друг друга, рвутся за медяками.

«Эти нищие встают передо мной символом грядущей Европы, если она не бросит пресмыкаться перед американской и всякой другой денгой».

Разве не кажутся эти точные и острые слова написанными о сегодняшней «маршаллизованной» Европе?

Поэт видел, что империалистическая Америка накладывает хищную лапу на весь мир, стремится стать не только мировым банкиром, но и мировым жандармом. Он писал о представителе банковских фирм, министре Юзе:

Ненавистью
и злобой дыша,
языком
обматывает
земной шар...
...Но Юзу
охочее
всех охот —
на нас повести
крестовый поход.

А в поэме «Летающий пролетарий», проникая взором в будущее, он предупреждает:

— Товарищи!
Сегодня
Америка

Союзу
трудящихся
навязывает войны! —

Могучий голос Маяковского гремел, неустанно напоминая, что империализм несет каждодневную угрозу войн и кровавых преступлений. И в то же время поэт не знал того страха войны, того чувства растерянности и беспомощности перед лицом ужасных событий, которое культивируют идеологические слуги империализма.

В лицо страшной угрозе Маяковский смотрел смелым и мужественным взором. Он видел не только силы войны, но и неисчислимы силы мира, сплачивающиеся для борьбы и нашедшие могучую опору в Советском Союзе. Маяковский верил в народные массы, поэтому стихи его о войне и мире, раскрывая всю опасность губительных авантюризм империализма, проникнуты уверенностью и историческим оптимизмом.

Он видел, что центром исторической борьбы за мир стал Советский Союз, народом которого, строящим здание социализма, война не нужна. Возрастающая сила советского государства — огромный фактор укрепления дела мира. Наше миролюбие — миролюбие сильных.

Лезут?
Хорошо.
Сотрем
в порошок.

За этим выразительным «хорошо» чувствуются крепко сжатые кулаки, ощущение силы, решительность, ясность, уверенность.

Маяковский знал, что у Советского Союза — миллионы друзей, которые поддерживают его борьбу за мир.

Он славил боевую солидарность трудящихся, их дружбу с Советским Союзом. Рассказав, как бастующие лейпцигские рабочие, отказывавшиеся от любой работы, проявили братскую солидарность с трудящимися Советского Союза, срочно разгрузив советские грузы, поэт восклицал:

Страшны ли
рабочим
при такой спайке
буржуев
белые
своры и стайки?

Он понимал борьбу за мир, как широкое всенародное движение миллионов масс. «Мы с вами, французские блузники!» — восклицал он. Он обращался к рабочим Германии со словами ободрения и приветия. Он звал поляков преодолеть былую неприязнь между трудящимися России и Польши:

...мы —
братья польскому брату.

Он сочувственно писал о трудящихся Англии и Америки, о черных рабах на улицах американских городов, об австрийских рабочих, выступавших на борьбу с фашистами. И как грозное предостережение империалистам, как боевой призыв ко всем друзьям мира, звучали его слова:

Мы
требуем мира.
Но если
тронете,
мы
в роты сожмемся,
сжавши рот.
Зачинщики бойни
увидят
на фронте
один
восставший
рабочий фронт.

Стихи поэта были делом огромной государственной важности: они разоблачали и ставили к позорному столбу поджигателей войны, мобилизовывали миллионы на борьбу против новых войн, славили советское социалистическое государство, оплот борьбы за мир и демократию. Антивоенная деятельность поэта была ярким примером боевой, активной, новаторской поэзии. Это была широкая международная политическая деятельность, сплачивающая вокруг СССР прогрессивные круги, поднимающая массы на борьбу за мир.

Маяковский писал свои стихи, когда не было еще атомной бомбы, когда никто не знал имен Трумэна, Маршалла, Ачесона, а силы мира и демократии не были еще так могучи и сплочены, как ныне. Но его понимание существа исторических событий было настолько зрелым и глубоким, что он смог выразить то важнейшее, что волнует народы и десятилетия спустя. Не случайно генерал Клей запретил распространение стихов Маяковского в Западной Германии. И дело не только в том, что генерал оказался сыном того самого сигарного короля Энри Клея, главы фирмы «Энри Клей энд бок, лимитед», которого заклеймил Маяковский в стихотворении «Блэк энд уайт», дело не только в защите сыном фамильной чести. Стихи Маяковского бьют по колонизаторам Бизонии так же, как били по рабовладельцам с сахарных плантаций Гаваны. Мудрено ли, что бравый генерал боится обличающей, взрывчатой и мобилизующей силы этих строк? Французское министерство просвещения запретило чтение лекции о Маяковском в Сорбонне: охранникам Жюль Мока страшны дышавшие духом свободы строчки. Поджигатели войны хотели бы запретить Маяковского, как пытаются они запретить движение миллионов масс за мир и демократию. Но стихи поэта проникают через рубежи, и ни генералам, ни жандармам всех мастей и рангов не остановить их неукротимого, как буря, победного движения.

Движение борцов за мир крепнет и растет с каждым днем. Мир победит войну, — заявляют миллионы, и в этом крепнем гуле голосов мы слышим голос великого поэта Маяковского, голос, полный силы и страсти, звенящий уверенностью в торжестве дела человечества, дела мира, демократии и социализма:

Миру — мир,
война — войне.